

ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ТОБОЛО-ИШИМЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ¹

В.А. Зах

Рассматриваются некоторые аспекты основных «хронологических» переходных периодов: от мезолита к неолиту, от эпохи бронзы к раннему железному веку — и периода перехода от присваивающего хозяйства к производящему, в частности к скотоводству, в рамках эпохи бронзы в лесном Тоболо-Ишимье. Эти периоды соотносятся с крупными климатическими и ландшафтными перестройками, обусловливавшими в случае аридизации миграционные потоки населения в северном и восточном направлениях, при гумидизации — на юг и запад. С миграцией населения из экономически развитых южных и юго-западных районов на территории Западной Сибири осваиваются новые технологии — гончарное производство, металлургия и металлообработка, появляются скотоводство и зачатки земледелия. Миграции северного населения в гумидные климатические фазы приводят к возвращению в западно-сибирской лесостепи присваивающего хозяйства, забытых технологий каменного производства, в социальной сфере — к укреплению родовых отношений. Ассимиляционные процессы при взаимодействии автохтонных и пришлых групп населения обуславливают в течение достаточно короткого времени изменения в материальной культуре, что проявляется в быстрой смене этапов развития культур в эти периоды.

Переходный период, миграция, неолитизация, гончарное производство, скотоводство, металлургия, металлообработка, ассимиляция.

Начиная с раннего голоцена на территории Евразии наблюдаются ощутимые различия в развитии древних обществ. Прежде всего это выражается в появлении в южных областях (Ближний Восток) производящего хозяйства при сохранении присваивающей экономики на северных территориях. Отставание в экономическом и технологическом развитии севера Евразии постепенно нарастало, и практически до современности в таежной зоне и тундре сохраняются общества с традиционным хозяйством.

В течение эпохи голоцена, охватывающей около 10 тысячелетий, в лесной части Западной Сибири, и в частности Тоболо-Ишимья, прослеживается не только плавное, поступательное, но и взрывное, скачкообразное, развитие обществ. Периоды таких, заметных и значимых, трансформаций культур, сопряженные, как правило, с глобальными климатическими перестройками, получили название переходных. На рассматриваемой территории отмечается три крупных периода, связанных с неолитизацией, становлением производящего хозяйства в эпоху бронзы и динамичными процессами хозяйственно-культурных изменений на рубеже бронзы — раннего железного века.

В Западной Сибири, как и на территории всей Северной Евразии, около 13 тыс. лет назад начинается потепление. На смену тундровым и лесотундровым пространствам перигляциальной зоны, протянувшейся почти на 1500 км к югу от ледников, приходят лиственные и хвойные леса. Ареал представителей мамонтового комплекса постепенно сдвигается к северу, некоторые виды вымирают или деградируют. Пространство равнины постепенно занимают современные представители животного мира: лось, медведь, косуля, лисица, заяц, соболь и многие другие, ставшие для обществ с присваивающей экономикой основным источником пищи, одежды, а в местах с малым количеством камня — и материала (кость) для производства орудий.

На мезолитических памятниках от Приисетья до Приобья (Сухрино 1, Камышное 1, Остров 2, Ташково 4, Звездный, Катенька и Черноозерье ба) инвентарь изготовлен из различных пород камня, происходящих с Южного Урала и галечников Притоболья и Приишимья [Зах, Скочина, 2010]. Преобладает пластинчатая индустрия без геометрических микролитов и наконечников стрел. Отсутствие долговременных, углубленных в землю жилищ, каменная и костяная индустрия свидетельствуют о подвижном образе жизни как предшествующего, палеолитического, так

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

и мезолитического населения Западной Сибири. Скорее всего, это были небольшие группы охотников, передвигающиеся за мигрирующими стадами диких животных в места их сезонного обитания. Лесостепные и южно-таежные мезолитические поселения Тоболо-Ишимья и Прииртышья, в каменных комплексах которых отсутствуют геометрические микролиты, можно объединить в самостоятельную тоболо-иртышскую культуру с локальными вариантами — притобольским и ишимо-иртышским [Зах, 2009].

Кардинальные изменения в развитии и заселении территории Западно-Сибирской равнины происходят на рубеже бореального и атлантического периодов голоцена, в неолитическую эпоху. Происхождение культур неолитического времени в Западной Сибири не может рассматриваться вне процессов становления неолита, и прежде всего гончарства. По мнению одних исследователей, неолитические культуры сформировались на местной мезолитической основе, керамическое производство в Западной Сибири появилось самостоятельно, а наиболее древняя местная керамика — с отступающе-накольчатой орнаментацией [Косарев, 1991; Молодин 1985, 1995; Старков, 1980; Ковалева, 1989]. С точки зрения других, умение делать керамику было заимствовано древними уральцами у южных соседей [Бадер, 1970, с. 159; Косинская, 2002, с. 222; Тимофеев, 2002, с. 210; Моргунова, 1995, с. 93; Вискалин, 2002]. О привнесении керамического производства в лесостепные и лесные районы Восточной Европы и Западной Сибири говорят многие исследователи, но по поводу механизма этого процесса их позиции различны. Предполагается появление гончарства путем диффузии через буферные двуязычные культуры либо в результате миграции населения.

По нашему мнению, становление неолита в Западной Сибири — сложный и продолжительный процесс, начавшийся с аридизацией и вследствие этого прямыми миграциями населения с южных и юго-западных сопредельных территорий. Судя по всему, это было население, обладавшее навыками гончарного производства, технологиями изготовления геометрических микролитов (использовавшихся, вероятно, в качестве вкладышей), каменных наконечников стрел и тростниковых древков к ним.

Скорее всего, толчком к миграции в северном и восточном направлениях послужило ухудшение экологической обстановки в связи с изменением климатических условий — сильной аридизацией в середине голоцена. Достаточно низкий уровень Каспийского моря (-50 м от уровня океана) и совпадающая с этим аридизация отмечаются в период мангышлакской регрессии, пик которой приходится на середину VII тыс. до н.э. Наиболее вероятно, что мигранты продвигались на север по долинам Тобола, Тургая и Ишима. Не исключаем и возможности проникновения их с юго-запада — вначале по долине Урала, а затем по Тоболу. Мы соотносим с этими группами комплексы боборыкинской культуры с отступающе-прочерченной орнаментацией, датируемые по материалам лесостепного и южно-таежного Притоболья в пределах начала VIII — середины VI тыс. до н.э. (некалиброванные радиоуглеродные даты).

В пользу предположения о прямой миграции инородного населения на лесостепные и южно-таежные территории Тоболо-Ишимья могут свидетельствовать следующие факты. В период неолитизации в Тоболо-Ишимском регионе значительно увеличивается численность населения, вероятно как местного, так и пришлого: отмечается резкий рост числа поселений и жилищ в них. Появляются долговременные, углубленные в материк жилища (оседлость обеспечивается запорным рыболовством). О прямой миграции может говорить появление в лесостепи и южной тайге в пределах ареала боборыкинской культуры, наряду с керамикой, геометрических микролитов и выпрямителей древков стрел («утюжков») [Усачева, 2007]. Наиболее ранние из «утюжков» обнаружены на Ближнем Востоке в комплексах натufийской культуры и докерамических слоях Загроса и Иерихона [Мелларт, 1982]. Подобные изделия встречаются в Тоболо-Ишимье в боборыкинских и кошкинских комплексах, редки в последующих неолитических культурах. Кроме отступающе-прочерченной, на территории Западной Сибири фиксируются новые — гребенчатая и гребенчато-ямочная орнаментальные традиции, что отражает, вероятно, взаимодействие местного (мезолитического) и мигрирующего населения [Васильев и др., 1993; Зах, 1995].

Очевидно, группы переселенцев были немногочисленны и экзогамны. Утратив привычные брачные связи с партнерами из метрополии, со временем мигранты стали вступать в брачные контакты с местным населением. Аборигены, не знавшие керамического производства, постепенно перенимали навыки изготовления глиняной посуды, но орнаментировали ее по-своему, возможно адаптируя к керамике известные им приемы. Могли имитировать на глиняных сосудах швы, которые получались при конструировании, например, емкостей из бересты. Подобный

Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене

прием использовался в раннем железном веке на Алтае, где на глиняную посуду наносились линии раскроя и стежков, как при сшивании частей кожаных емкостей [Бородовский, 1983].

Предметы из бересты изготавливали не только в этнографическое время, но и в древности. Так, в бассейне р. Конды были найдены четырехугольные сосуды с невысокими стенками, относящиеся к позднему энеолиту [Кокшаров, 1991, с. 93–94, рис. 1, 24], орнамент на кромке которых в виде косых насечек напоминает линии стежков обшивки по кромке берестяного чумана [Федорова, 1994, с. 231]. На памятнике Чертова Гора обнаружены берестяные вместилища, близкие к этнографическим берестяным туесам. На стенках одного из туесов охрой нанесены горизонтальные параллельные полосы шириной 2–3 мм, на крышках и стенках следы (отверстия) швов. Жертвенное (?) место, откуда происходят эти предметы, связывается с носителями кошкинской орнаментальной традиции (6400±90 л.н., 6480±65 л.н., 6445±90 л.н.) [Сладкова, 2007].

Вероятно, ряд технологических решений, в частности наложение швов при изготовлении берестяной утвари, нашли впоследствии отражение в форме и орнаментации керамической посуды. При изготовлении берестяных емкостей округлость и прочность устья изделия достигалась вшиванием гибкого черемухового обруча или планки из другой породы. Обруч по устью оборачивался берестой, которая прошивалась сухожильными нитками [Федорова, 2000, с. 228–229]. Стежки накладывались равномерно по всей окружности емкости, иногда группировались по два-три. Шов накладывался в большинстве случаев наклонно к краю изделия, но известны экземпляры со стежками, расположенными горизонтально. Швы или соединения на берестяной посуде и других изделиях (лодки) часто напоминают ряды «качалки» на керамике. Похожие технологии (сшивание) употреблялись и при изготовлении крупных изделий — лодок, покрывал, жилищ, а также посуды (куженек) чулымскими тюрками [Тюрки..., 1991, с. 68, рис. 10, 1, 3].

Наряду со швами для крепления берестяных лент, образующих емкости, обручей и дна существует множество замковых соединений, «рисунок» которых также мог иметь отношение к формированию орнаментальных мотивов на глиняной посуде («качалка», ряды наклонных и вертикальных линий, геометрические узоры).

Уже в комплексах боборыкинской культуры появляются сосуды, украшенные оттисками гребенчатой «качалки», на кошкинском этапе процент керамики с гребенчатым орнаментом увеличивается, происходят изменения в форме сосудов. С внутренней стороны отмечается пока небольшой наплыв, с внешней — карнизик (видимо, имитация деревянного обруча, как правило, укрепляющего устья берестяных емкостей). В более позднее, козловское и полуденковское, время наплывы становятся крупнее, а гребенчатые орнаменты постепенно начинают доминировать.

Вместе с керамическим производством мигранты принесли, как уже упоминалось, новые технологии: использование в качестве вкладышей геометрических микролитов, стрел с каменными наконечниками и древков из тростника и/или камыша. Наряду с инновациями, в каменных комплексах боборыкинской культуры отмечаются изделия, характерные для комплексов мезолитического времени [Дрябина, 1995; Зах, 1987]. Эти факты могут свидетельствовать об ассимиляции местного и пришлого населения и процессах трансформации старой и складывания новой традиции.

Таким образом, происхождение керамического производства в лесостепном и южно-таежном Притоболье и Приишимье, на наш взгляд, связано с прямой миграцией групп населения, вероятно, из районов Приаралья и Прикаспия. В результате в процессе ассимиляции в керамическое производство вовлекается аборигенное население (женщины) и в Тоболо-Ишимье начинают формироваться местные орнаментальные традиции. Одним из местных приемов декорирования являются гребенчатые вдавления. В боборыкинских и кошкинских керамических комплексах гребенка составляет от 1,3 до 22,2 %, в козловских, полуденковских и кокуйских — до 50 % и более, в последующее время ее количество возрастает до 90 % (сосновостровские комплексы) и практически до 100 % (шапульские и екатерининские). На ранних этапах в Тоболо-Ишимье отмечается использование горизонтальных или вертикальных рядов в основном гребенчатой «качалки», но впоследствии в Притоболье и Приишимье фиксируются две различные орнаментальные традиции — гребенчатая и гребенчато-ямочная соответственно. В первом случае развитие идет от боборыкинской культуры к козловским, полуденковским, сосновоостровским и шапульским комплексам [Зах, 2005], во втором — следующая линия: боборыкинские, близкие к козловским, кокуйские, близкие к сосновостровским и далее екатерининские [Зах, 2004].

Второй период трансформаций, или переходный период, в частности от присваивающего хозяйства к производящему, в Западной Сибири отмечается в эпоху бронзы и охватывает конец III — первую половину II тыс. до н.э. С нарастанием аридизации на лесостепные и отчасти южно-таежные территории Тоболо-Ишимья начинает проникать скотоводческое население петровской и алакульской культур. В результате миграции скотоводы постепенно смешиваются с местными ташковскими коллективами с присваивающей экономикой, основанной на рыболовстве и охоте [Зах, 2009, с. 240; 2011]. Ассимиляционные процессы, скорее всего, на основе экзогамных брачных отношений между мигрантами — петровско-алакульскими группами и аборигенами — ташковцами приводят к сложению в Притоболье коптяковских, а на их основе — федоровских комплексов.

Как любое культурное образование, коптяковская культура имеет свой ареал, истоки, внутреннюю периодизацию и хронологию [Зах, 2012].

В процессе формирования и развития коптяковского культурного комплекса можно выделить по крайней мере два этапа. На первом (раннем) этапе, при усилившейся интеграции ташковского и петровско-алакульского населения, появляются такие комплексы, как ЮАО 6, Чепкуль 5, Оськино Болото и Шайтанское Озеро 2. На посуде отмечаются черты, присущие как ташковской (желобки, ряды неглубоких ямок или вдавлений), так и алакульской (ребро при переходе к тулову, горизонтальные зигзаги, геометрические узоры) культуре. Металлические изделия относятся к сейминско-турбинскому, самусьско-кижировскому и евразийскому типам [Сериков и др., 2009]. Время формирования этого этапа коптяковской культуры определяется радиоуглеродными датами по углю, происходящему из средней и нижней части заполнения котлована жилища 1 поселения Чепкуль 20: 3510 ± 45 , 4140 ± 85 , 3700 ± 45 л.н. (СОАН 5852, 5854, 5855) [Зах, Иванов, 2007; Зах и др., 2011]. Ко второму (позднему) этапу, на наш взгляд, относятся материалы памятника Коптяки 5, посуда с ковровым орнаментом поселения Чепкуль 20, погребения могильника Палатки 1 и два захоронения, исследованные на поселении Чепкуль 5 [Викторова, 2001; Зах, Илюшина, 2011]. Посуда позднего этапа по форме и орнаментации ближе к федоровским (Черемуховый Куст, Дуванское 17, Курья 1) комплексам Нижнего Притоболья, а бронзовые наконечники стрел из чепкульского погребения аналогичны изделиям из кургана 7 Смолинского могильника, Межовского и Садчиковского поселений [Сальников, 1967, рис. 52, 12, 13; Кузьмина, 1973, с. 163, рис. 4; Аванесова, 1991, рис. 39]. По Н.А. Аванесовой, данные типы (III, IV) наконечников стрел датируются в пределах XIV–VIII вв. до н.э. [1991, рис. 39]. Верхнюю границу позднего этапа с керамикой и металлом, сравнимыми с федоровскими, скорее всего, маркируют радиоуглеродные даты комплексов Черемухового Куста 3446 ± 95 , 3280 ± 30 , 3605 ± 53 л.н. (УПИ 560, 564, 569), поселения Курья 1 3390 ± 40 л.н. (СОАН 5849), а также даты, полученные по углю из ямы 1 и верхней части котлована жилища 1 поселения Чепкуль 20 3240 ± 50 , 3190 ± 90 , 3285 ± 75 л.н. (СОАН 5850, 5851, 5853).

Пока достаточно сложно говорить о верхней границе этого переходного периода, это тема будущих исследований, но, видимо, его окончание можно связывать с формированием позднебронзовых культур — бархатовской, сузгунской, ирменской.

Переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку протекал в совершенно иной климатической обстановке. С одной стороны, в лесостепи в начале I тыс. до н.э. в связи с увлажнением производящая экономика носителей ирменской (позднеирменской), сузгунской и бархатовской культур стала переживать глубокие кризисные изменения. В скотоводстве, по-прежнему доминирующей отрасли, начинается кардинальная перестройка. В частности, заметно увеличивается доля лошади, что приводит к смене придомного скотоводства, с заготовкой кормов в пойме, отгонным, полукочевым скотоводством. Это сопровождается, на наш взгляд, сокращением численности населения, в том числе ввиду оттока части его на юг, в степи. С другой стороны, пойменные пространства Нижней Оби, в пределах ареала атлымской культуры, а возможно, и шире, испытывают длительные, иногда ежегодные, подтопления. В результате на этих территориях сокращаются популяции лося, снижается добыча рыбы, что вызывает в конечном счете миграцию части таежного населения на юг. Движение экзогамных групп мигрантов, носителей посуды с гребенчато-крестовой и струйчатой орнаментацией, происходило в основном по крупным водным артериям, протекающим в меридиональном направлении: Оби, Иртышу, Ишиму и Тоболу.

В силу географических условий лесное Приобье, Прииртышье, Тоболо-Ишимье и Бараба в разной степени, как в количественном, так и в культурном отношении, подверглись экспансии

Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене

северного населения, что определенным образом повлияло на ассимиляционные процессы, а в конечном счете — начальные сроки формирования культур раннего железного века, и в частности саргатской. На территориях с меридиональным направлением речных долин прослеживаются во многом сходные исторические процессы, в том числе сложение синкретичных культур. В Барабинской лесостепи, где реки текут в широтном направлении (Каргат, Чулым, впадающие в оз. Чаны, Омь — приток Иртыша), а на севере простираются труднопроходимые Васюганские болота, природные условия способствовали изоляции территории, и проникновение сюда инокультурного компонента было незначительным. Этот факт определял своеобразие историкокультурного развития региона, где, на наш взгляд, продолжался процесс эволюции позднеирменских комплексов.

В Приобье сформировалась гибридная завьяловская культура с несколькими этапами развития [Троицкая и др., 1989]. С новыми элементами, проявившимися в культуре завьяловского населения (домостроение, хозяйство), в керамическом комплексе, особенно на раннем (линевском) этапе, прослеживаются черты позднебронзовой эпохи (позднеирменские) и присутствуют северные — в виде крестовой орнаментации, которые на последнем, большеереченском (Ближние Елбаны 1) этапе практически исчезают. На смену завьяловской в VI–V вв. до н.э. приходит в основном посуда бийского этапа — баночной и горшковидной форм, украшенная одним рядом жемчужин, разделенных оттиском уголка палочки или коротким гребенчатым штампом [Троицкая, 1985].

В Приртышье и Приишимье пришельцы с севера — носители посуды с крестовой и гребенчатой орнаментацией смешивались с позднебронзовым населением сузгунской культуры [Полехов, 2003]. В результате складывается красноозерская культура, развитие которой приводит к формированию журавлевских, а затем богочановских комплексов [Абрамова, Стефанов, 1985; Данченко, 1996]. Богочановская посуда горшковидной и баночной форм, орнамент занимает верхнюю часть сосуда, это жемчужины, разделенные оттисками гребенки или уголка заостренной палочки.

В Притоболье происходит аналогичный процесс: в позднебронзовую среду — носителей бархатовской культуры проникают гамаюнские керамические традиции. В комплексах ранних этапов отмечаются находки гамаюнских сосудов совместно с бархатовскими, например на Красногорском городище [Матвеев, 1999, с. 111]. Впоследствии наблюдается смешение керамических традиций, что отмечается на городище Усть-Утяк 1, где наряду с бархатовскими и гамаюнскими сосудами встречается посуда с гибридным орнаментом [Кайдалов, Сечко, 2006]. Впоследствии ассимиляция позднебронзового населения пришельцами приводит к формированию иткульских (восточный вариант) комплексов. Пройдя ряд этапов развития, иткульские, в свою очередь, послужили основой для сложения байтовских, с посудой, орнаментированной одним рядом жемчужин, уголковыми вдавлениями или оттисками гребенки [Зиминая, 2006; Зах, 2007].

По мнению некоторых исследователей, миграция с севера в одних регионах была полномасштабной и продолжительной [Труфанов, 1994], другие считают ее кратковременной и малочисленной [Троицкая, 1985; Бородовский, 1983]. На наш взгляд, в количественном отношении мигрировавшее с севера население распределялось пропорционально проживавшим в Притоболье, Приишимье, Прииртышье и Приобье аборигенам. Наибольшее количество поселений (более 150) сосредоточено в Среднем Зауралье и Притоболье, около 50 открыто в Приишимье и Прииртышье, единичные — в Барабе и Приобье [Труфанов, 1994]. Подобное распределение миграционного потока объясняется тем, что наиболее прямые пути на юг идут по Иртышу, Тоболу и Ишиму, а также тем, что эти территории в самом конце позднебронзового времени были наиболее заселенными: это немаловажное обстоятельство для экзогамных северных коллективов. Однако, по самым грубым подсчетам, с учетом того, что в среднем в керамических комплексах переходного времени посуда с крестовым орнаментом насчитывает около 15–20 %, численность инокультурного населения могла составлять 1/3 и более населения региона.

Все рассматриваемые культуры прошли несколько этапов развития, закончившегося появлением очень схожих керамических комплексов: в Приобье — бийского этапа, в Барабе — берликских, в Прииртышье и Приишимье — богочановских и байтовских. Правда, необходимо отметить, что на территориях, где отмечается непосредственное проникновение северного населения, ассимиляционные процессы происходили до VI — начала V в. до н.э., около IV–III вв. до н.э. бийские, богочановские и байтовские комплексы сменяются комплексами березовского этапа в Приобье и саргатскими в Прииртышье, Приишимье и Притоболье. В Барабинской же лесостепи ассимиляция пришлого населения заканчивается примерно на два-три столетия

раньше и около VII в. до н.э. начинают складываться комплексы саргатской культуры [Полосьмак, 1987]. Таким образом, в Барабе, в силу незначительного притока мигрантов, имеет место главным образом развитие позднеирменских комплексов и сравнительно раннее формирование саргатской культуры.

Некоторые особенности наблюдаются и в развитии культур других регионов. Так, в лесостепи Прииртышья и Приишимья отток на юг населения позднебронзового времени был менее выражен в количественном отношении, чем в Приобье и Притоболье, поскольку сузгунское население, в отличие от ирменского и бархатовского, вело комплексное хозяйство, которое менее зависело от климатических изменений, чем скотоводческое.

Наиболее явно процессы трансформации в данный период отражены в материалах Нижнего Притоболья. Проникавшие сюда отдельные гамаюнские коллективы занимали привычную для себя экологическую нишу — подтаежные районы, которые пригодны для обитания оседлых рыбаков и охотников. Пути миграций гамаюнского населения в Нижнее Притоболье, скорее всего, пролегали по рекам Исети, Туре, Пышме, берущим начало в Уральских горах. О контактах гамаюнского и бархатовского населения свидетельствует посуда с крестовым штампом в бархатовских комплексах Красногорского городища, поселений Щетково 2, Заводоуковское 9, а о слиянии двух традиций — материалы городищ Миасское 1 и Усть-Утяк 1. Сосуды с синкретичными бархатовско-гамаюнскими чертами в большинстве случаев имеют профилировку, характерную для бархатовской посуды, орнамент представлен гребенчатыми оттисками, присутствуют ямки в шахматном порядке, иногда они сочетаются с жемчужинами. Часть керамики, украшенной оттисками креста, гладкого штампа и ямок, с дуговидными шейками, находит аналоги в ишимо-иртышских памятниках красноозерской культуры. Единичные фрагменты, орнаментированные двойными рядами жемчужин и жемчужинами, разделенными вертикальными насечками или уголками, близки позднеирменской керамике [Кайдалов, Сечко, 2004, с. 73; 2006, с. 78–80]. В комплексе городища Усть-Утяк 1 имеются сосуды с орнаментальными композициями, напоминающими композиции на керамике иткульской культуры.

По-видимому, развитие контактов между носителями бархатовской и гамаюнской культур привело к сложению нового образования — иткульской культуры.

В рамках иткульской культуры, выделенной К.В. Сальниковым по материалам Южного Зауралья [1961, с. 50], Г.В. Бельтикова охарактеризовала два типа посуды. Первый тип — это сосуды с прямыми вертикальными или отогнутыми, дугообразно отогнутыми или вогнутыми шейками, имеющими одинаковую толщину с туловом. Второй тип — сосуды с прямыми вертикальными, отогнутыми или дугообразно отогнутыми шейками, имеющими значительное утолщение горла в точке перегиба. В качестве примеси к тесту почти всегда использовался тальк, у сосудов второго типа тальк и слюда добавлялись не так обильно. Для орнаментации чаще использовался гребенчатый штамп, реже резная техника, насечки и гладкий штамп. Сосуды украшались наклонными или горизонтальными линиями, столбиками, взаимопроникающими фигурами, горизонтальной елочкой, иногда — зигзагом, ромбической сеткой, «шагающей» гребенкой. Орнаментальная зона на шейке у сосудов первого типа почти всегда завершалась ломаной линией, рядом треугольных вдавлений или ямок, у сосудов второго типа — чаще всего двумя рядами ямок в шахматном порядке — типичным элементом орнамента гамаюнской посуды [Бельтикова, 1977, с. 120–124]. Иткульская посуда первого типа не распространена восточнее среднего течения Туры, Пышмы и Исети.

В лесостепной части Притоболья на памятниках Рафайловский «городок», Онуфриевский борок 4, 5, и других иткульская посуда II типа встречалась в незначительном количестве. В рамках начального этапа раннего железного века на территории Тоболо-Ишимской лесостепи она рассматривалась как подражание «крестовой» [Матвеева, 1989, с. 98]. Открытие на Тапе в долине Тобола, а затем в системе Андреевских озер обширных городищ с кольцевой планировкой позволило говорить о своеобразии культурно-исторических процессов на этих территориях и выделить эти материалы в восточный локальный вариант иткульской культуры [Зах, Зимина, 2004].

На основе материалов памятников на Тапе, Туре и территории Андреевской озерной системы были выделены три этапа в развитии восточного варианта иткульской культуры — иткульский, карагай-аульский и вак-куровский, а с учетом динамики опорных поселений, немногочисленного датирующего инвентаря, хронологии предшествующих и последующих культур, радиоуглеродных определений обоснована датировка культуры: с конца VIII — начала VII до конца VI в. до н.э.

Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене

Керамика иткульского этапа обнаружена на 46 памятниках, из которых 15 укрепленных, они распротранены от среднего течения Тобола до р. Тавды. Памятники значительно удалены от современных водоемов и расположены в глубине первой — второй надпойменных террас на участках с относительно низкими гипсометрическими отметками. Поселения имеют в плане овальную или округлую форму. Площади их варьируются в пределах от 1000 до 8000 м² (округлые) и от 15 000 до 64 000 м² (овальные). Площадки поселений укреплены валом и рвом, внутри зафиксировано от 4 до 39 сооружений. Центр поселений преимущественно свободен от построек. Жилища наземного типа без котлованов, окружены ямами-карьерами, чаще всего расположены по периметру укреплений. Инвентарь поселений представлен медной петельчатой бляшкой-пуговицей, скребками, ножами, наконечниками стрел из кремня и кремнистых пород и керамическими скребками для обработки шкур. О бронзолитейном производстве свидетельствуют находки тиглей и обломки глиняных форм. Сосуды с приземистым туловом, широкими горловинами, выпуклыми плечиками, округлыми или небольшими уплощенными днищами. Орнаментированы шейка, переходная зона и плечико. Для нанесения орнамента чаще всего использовался гребенчатый штамп, реже — волнистый (струйчатый), единичны случаи применения гладкого штампа и оттисков в виде уголка. Орнамент представляет собой взаимопроникающие фигуры, наклонные линии, ряды горизонтальных линий, зигзаги. Встречаются сетка, заштрихованные ленты, ряды каплевидных вдавлений, треугольники вершинами вниз, узор в виде лесенки и меандр. Из сооружений и конструкции в основании вала на городище Карагай Аул 4 по образцам угля были получены радиоуглеродные даты (сооружение 1 — 2785±25; 2750±45; 2630±30 л.н., сооружение 2 — 2595±30 л.н., вал — 2625±75 л.н.). С учетом этих данных иткульский этап отнесен к концу VIII — первой половине VII в. до н.э. [Зими́на, Зах, 2009].

На карагай-аульском этапе, который датирован второй половиной VII в. до н.э., продолжают развиваться традиции домостроительства и планировки, существовавшие на предыдущем, иткульском этапе. Постройки внутри огражденной площади расположены по периметру укрепления. Основным типом построек являются наземные сооружения без котлована, площадью 60–70 м², окруженные ямами-карьерами. Комплекс площадки А городища Карагай Аул 1 представлен посудой иткульского облика. В то же время, в отличие от керамики предыдущего этапа, некоторые сосуды имеют прямые, без утолщения, шейки либо слабопрофилированную верхнюю часть. Отсутствуют сосуды с небольшими уплощенными днищами. На керамике Карагай Аула 4 преобладают гребенчатые штампы, а на посуде Карагай Аула 1/А выше удельный вес волнистых узоров и каплевидных вдавлений. На одном сосуде с типично иткульской орнаментацией под срезом венчика, над рядом сдвоенных ямок, нанесены жемчужины, не характерные для иткульских комплексов. Появляются сосуды с обедненной орнаментацией. Утрачивается традиция добавления в керамическое тесто толченого талька [Зими́на, Мильникова, 2006].

На площадке Б Карагай Аула 1 представлен комплекс с иной керамической традицией. По формам сосуды в целом близки к иткульским: это довольно приземистые и широкогорлые горшки, однако более тонкостенные, примерно с одинаковой толщиной по всему сосуду. Орнамент разреженный, нанесен преимущественно гребенчатым штампом, иногда волнистым (мелкоструйчатым) или в виде уголка. В орнаментации посуды Карагай Аула 1/Б преобладают жемчужины (80 %) — как известно, доминирующий элемент узора на керамике бархатовских комплексов позднего (красногорского) этапа [Матвеев, Аношко, 2001, с. 31].

Скорее всего, площадки городища Карагай Аул 1 функционировали в одно время, а обитатели их активно взаимодействовали. Радиоуглеродные даты из сооружения 1 на площадке Б Карагай Аула 1 и сооружения 2 на площадке А Карагай Аула 1 практически совпадают — соответственно 2830±25 и 2840±25 л.н. [Зими́на, Зах, 2009]. Материалы карагай-аульского этапа явно отражают двухкомпонентность восточного варианта иткульской культуры. На поселении с двухчастной структурой сосуществуют и взаимодействуют потомки носителей бархатовских и гаманских керамических традиций.

Вак-куровский этап, датируемый VI в. до н.э., — завершающий в развитии иткульской культуры в Нижнем Притоболье. К нему отнесены материалы 18 памятников, обнаруженных преимущественно в междуречьях Тобола и Тапа, Туры и Пышмы, на озерах Ипкуль и Байрык, в долине Исети. Памятники расположены преимущественно в подтаежной зоне Притоболья. На вак-куровском этапе сохраняется традиция сооружения слабоукрепленных круглых и овальных кольцевых поселений, одно из них — двухплощадочное, с примыкающими друг к другу площадками (Вак-Кур 2), повторяет конфигурацию поселков предыдущих этапов. Площади городищ

варьируются от 2500 до 12 000 м². Системы в расположении построек на укрепленных площадках уже не прослеживаются. Значительное количество сооружений вынесено за пределы укреплений. Появляется множество неукрепленных поселков, состоящих также из построек наземного типа. На вак-куровском этапе продолжают сооружать жилища наземного типа каркасно-столбовой конструкции без котлованов. На городище Вак-Кур 2 исследованы три таких постройки площадью от 30 до 70 м², окруженные ямами-карьерами, с наземными очагами в виде пятен слабо прокаленной супеси. В инвентаре вак-куровского этапа — большое количество керамических скребков на обломках посуды, применявшихся для обработки шкур и дерева, немногочисленные пряслица. Обнаружены также вещи, подражающие изделиям, широко распространенным в среде населения скифо-сибирского мира: бронзовые наконечники стрел, гривна, глиняный жертвенник на ножках и блюдо, створка формы для отливки колоколовидного изделия. Основная часть посуды обнаруживает большое сходство с керамикой Карагай Аула 1/Б. Вак-куровская керамика, так же как и карагай-аульская, тонкостенная, с небольшим содержанием песка. Сосуды хорошо и слабо профилированные, с достаточно низкой или средней высоты шейкой, круглодонные. Крупные экземпляры имеют несколько зауженные пропорции придонной части. В среднем до 30 % сосудов в комплексах орнаментированы только ямками или жемчужинами по шейке и рядом оттисков уголка или одним-тремя рядами вдавлений, часто аморфной формы, на плечике. На остальных сосудах узор составляют сочетания ямок или жемчужин и рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа на шейке и один-два ряда разнонаклонных оттисков гребенчатого штампа на плечике. На вак-куровской посуде на горловину чаще наносились ямки, чем жемчужины, зафиксировано их чередование, на карагай-аульской посуде не отмеченное. При близких морфологических характеристиках керамики, сосуды с дуговидно выгнутыми шейками встречены лишь в вак-куровском комплексе, и только в постройках за пределами укрепленной площадки [Зиминова, Зах, 2009].

В дальнейшем на территории Притоболья исчезают слабо укрепленные обширные кольцевые городища. Жилища наземного типа сменяются углубленными в грунт постройками, складывается баитовский керамический комплекс. Однако, полагаем, переходный период продолжается. В его рамках рассматриваем, скорее всего, генетически преемственные вак-куровским баитовские комплексы, на основе которых впоследствии, видимо, формируются гороховские. Переходное время в Нижнем Притоболье заканчивается, на наш взгляд, с появлением в конце V — IV в. до н.э. комплексов гороховской и саргатской культур, например на городище Калачик 1 [Зах В.А., Зах Е.М., 1993].

Таким образом, очевидно, что периоды трансформаций, или переходные периоды, соотносятся с глобальными климатическими изменениями, в рассмотренных случаях — с аридными и гумидными фазами голоцена. Климатическая и ландшафтная перестройка в пределах лесостепной полосы Северной Евразии провоцировала при аридизации миграционные потоки населения в северном и восточном направлениях, на неподверженные еще засухам территории, а при гумидизации — на юг и запад. С миграцией населения из экономически развитых районов в Западную Сибирь приносились гончарное производство, металлургия и металлообработка, скотоводство и зачатки земледелия. Миграции северного населения в гумидные климатические фазы приводили к возвращению присваивающего хозяйства, забытых в лесостепи технологий каменного производства, в социальной сфере — к укреплению родовых отношений.

Миграции вели к смешению, гибридизации населения и культур, механизм которых заложен в экзогамии. В связи с ассимиляционными процессами в течение достаточно короткого времени происходили изменения в материальной культуре, что проявлялось в быстрой смене этапов развития культур в переходные периоды. Это хорошо прослеживается в материалах боборынской, коптяковской и иткульской культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1991. 200 с.
- Бадер О.Н.* Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.
- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.

Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене

Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка 1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ: МП РСФСР, 1983. С. 51–56.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Горащук И.В., Зайберт В.Ф. Поселение Ук 6 и проблемы боборыкинской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 22–23.

Викторова В.Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 95–107.

Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Твер. археол. сб. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 274–283.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Дрябина Л.А. Каменная индустрия поселения Мергень 5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995. С. 3–11.

Зах В.А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 11–13.

Зах В.А. Неолит лесостепной полосы Западной Сибири // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 19–20.

Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 4–12.

Зах В.А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 60–70.

Зах В.А. К вопросу о формировании баитовских комплексов в Притоболье // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 55–63.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А. О формировании федоровской культуры (по материалам Нижнего Притоболья) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 220–222.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 29–40.

Зах В.А., Зах Е.М. О культурно-исторической ситуации в Нижнем Притоболье на рубеже бронзового и раннего железного веков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 61–62.

Зах В.А., Зими́на О.Ю. Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 103–106.

Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы керамикой // Вестник археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 12–21.

Зах В.А., Илюшина В.В. Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 20–29.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 4–11.

Зими́на О.Ю. Иткульская культура в Нижнем Притоболье (восточный локальный вариант): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 22 с.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зими́на О.Ю., Мильникова Л.Н. Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 96–114.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Комплекс поздней бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк 1 (по материалам исследований 2002–2003 г.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II Регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 73–76.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк 1 (по результатам исследований 2002–2004 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 76–86.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Твер. археол. сб. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 215–223.

В.А. Зах

- Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 153–164.
- Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999. С. 93–124.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. К проблеме хронологической дифференциации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 2. С. 29–32.
- Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 150 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 3–44.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 222 с.
- Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
- Сальников К.В. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАН. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961. Вып. 1. С. 48–52.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 67–78.
- Сладкова Л.Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой Горе в Кондинской районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 153–161.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Твер. археол. сб. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 209–214.
- Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–68.
- Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103–116.
- Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 84–87.
- Тюрки таежного Причумылья: Популяция и этнос / Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Р.М. Бирюкович и др. Томск: ТГУ, 1991. 246 с.
- Усачева И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
- Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири: Конец XIX — первая половина XX века // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994. С. 231.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 365 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru

The paper considers some aspects of main «chronological» transition periods: from the Mesolithic to Neolithic Age, and from the Bronze to Early Iron Age, as well as a transition from an appropriating economy to a productive one, in particular, to cattle breeding in the forest Tobol-and-Ishim basin. What happened during these periods was a climatic and landscape modification, provoking in the case of aridization, migration streams of the population to the north and east directions, while in the case of humidization — to the south and west. In the transition time, alongside with migration of the population there were new technologies — pottery industry, metallurgy and metalworking, cattle breeding and early stages of farming — that were brought from the economically developed territories into West Siberian areas. In its turn, migrations of the northern population into humid climatic phases brought back an appropriating economy and technologies of stone industry forgotten in the forest steppe, while in the social sphere it was accompanied by strengthening of tribal relations. Due to assimilation processes certain changes took place in the material culture within quite a short period of time, which manifested in a quick change of cultural development stages during those periods.

Transition period, migration, neolitization, pottery industry, cattle breeding, metallurgy, metalworking, assimilation.